

Рец. на: И.А. Гилязов, Л.Р. Гатауллина. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914–1920). Казань: Татарское книжное издательство, 2015. 303 с.

Salavat Iskhakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: I.A. Gilyazov, L.R. Gataullina. Rossiiskie soldaty-musul'mane v germanskom plenu v gody Pervoy mirovoy voiny (1914–1920). Kazan', 2015

Изучение общественного сознания народов Российской империи в условиях острой кризисной ситуации, возникшей во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. и революции 1917 г., в считанные дни опрокинувшей власть, является одним из приоритетных направлений исторической науки, имеет важнейшее общественно-политическое значение для современной многонациональной и поликонфессиональной России.

В историографии сложилось противоречивое представление о социальной психологии российских мусульман первых двух десятилетий XX в., а происходившие тогда события породили многочисленные исторические «миражи». К ним относится существующий уже почти столетие миф о наличии панисламистских и пантюркистских планов расчленения Российской империи, которые якобы вынашивались представителями элитных слоёв различных мусульманских народов в условиях Первой мировой войны. Посвящённые данному вопросу публикации – результат современной геополитической и идеологической конъюнктуры в отношении мусульманского мира в целом, либо тех или иных его частей, исключением не стали и мусульмане Российской империи. Последних вольно или невольно фактически «пантюркизируют» или «панисламизируют», т.е. объясняют их социальное поведение и политическую активность исключительным влиянием антироссийских доктрин – панисламизма и пантюркизма. Такие представления продолжают господствовать в научной среде, где, по сути, сложилось целое направление, широко распространившееся и имеющее условное название «пантюркистика/панис-

ламистика». На этом фоне рецензируемое издание имеет принципиальное значение.

В монографии И.А. Гилязова и Л.Р. Гатауллиной, основанной на широком круге источников (преимущественно из германских архивов) и современных исследованиях, главным образом европейских историков, особое внимание уделено проблеме, связанной с мировоззрениями башкирского и татарского народов. Поставив цель проанализировать попытки кайзеровской Германии использовать религиозный (исламский) фактор в военном противостоянии странам Антанты, авторы обнаружили ряд принципиальных моментов, весьма значимых для понимания поведения мусульманских масс в период революции и Гражданской войны в России.

В первой главе рассмотрены вопросы, касающиеся отношения Германии к исламу в начале XX в., особенностей её взаимоотношений с Османской империей, использованной для борьбы со странами Антанты, в том числе с Россией. Кроме того, авторы представили неизвестный в отечественной историографии фактический материал (преимущественно из немецких исследований) о том, как в Берлине разрабатывали стратегию революционизирования мусульман для противопоставления их России, Англии и Франции, организуя пропаганду священной войны воинов ислама в защиту веры (джихада). Гилязов и Гатауллина отметили, что придерживаются точки зрения большинства немецких историков: неосуществимость подобной идеи сразу стала ясна, хотя Германия и предпринимала «серьёзные усилия» для привлечения мусульман на свою сторону (с. 33).

Как известно, в начале войны османский султан-халиф призвал всех мусульман к джихаду в защиту халифата от христианского наступления. Причём подчёркивался особый характер этой священной войны — направить усилия не против всех неверующих (авторы пользуются определением «неверные»), а только против стран Антанты (с. 41). Мусульмане России, согласно фетве (указу) стамбульского шейх-уль-ислама (впоследствии издававшейся и в переводе на татарском и русском языках), не должны были поддерживать военные усилия своей страны против Германии и Австро-Венгрии (с. 43). И в Берлине ожидали, что в странах Антанты после объявления джихада начнётся активное сопротивление мусульман, которые поднимут восстания против своих правительств. Однако мусульмане не только не поддержали джихад (с. 45), но и волевали за государства, в которых жили, что соответствовало их религиозным взглядам.

Немцы не прилагали «реальных усилий» для защиты турецких интересов, что, естественно, сказалось на позиции османского руководства — таково мнение авторов (с. 35). Далее, ссылаясь на британских исследователей, они отметили, что после объявления джихада Турция надеялась на скорейшее обретение мусульманскими народами Кавказа и Средней Азии независимости от русской власти (с. 45). Однако Гилязов и Гатауллина не объяснили, что подобные планы не означали стремления османов включить соответствующие территории в свою империю, как ошибочно считают многие российские авторы, — достоверных данных на этот счёт нет.

Очень важно обратить внимание на позицию авторов, изложенную в параграфе «“Священная война” и мусульмане России», где характеризуется отношение этой части населения к призывам из Стамбула. Указав, что в российскую армию были призваны, по общепринятому в историографии мнению, 1–1.5 млн башкир и татар, Гилязов и Гатауллина назвали такие цифры несколько завышенными (с. 59), однако привели красноречивое свидетельство в их пользу: в газете «Эль-Джихад», издававшейся в Германии для мусульман-военнопленных, 11 сентября 1916 г. указывалось: «десятая часть русской армии состоит из мусульман»

(с. 252). К тому же в историографии есть данные о том, что в 1917 г. в регулярной армии имелись полки, где большинство воинов были мусульманами, а в условиях революции даже планировалось создать из них миллионную армию.

В такой ситуации роль военных-мусульман (башкир и татар) в политической жизни населения страны была существенной. Между тем власть, как верно отмечено далее в книге, опасалась мусульманского населения и бдительно следила за его настроениями (с. 62). По поводу того, были ли для этого веские основания, в историографии существуют разные мнения, в том числе прямо противоположные. Бесспорно одно: то, что власть не решала мусульманские проблемы, не могло не вызывать недовольства в массах. В результате летом 1916 г. в Центральной Азии мусульмане подняли восстание, продолжавшееся вплоть до Февральской революции 1917 г.

О высокой степени недовольства российских народов национальной политикой самодержавия в 1915–1916 гг. заявляли и представители мусульманского населения в Европе. Находившийся там в эмиграции В.И. Ленин отмечал (в конспекте изданной в 1916 г. в Германии книги Т. Егера, посвящённой Персии), что особая делегация мусульман из России объезжала ряд европейских правительств с целью «принести им свои жалобы на русский гнёт и *требовать* освобождения от русского гнёта и *восстановления своих прежних государств*»¹.

В Российской империи, как верно отмечено в монографии, возрастали антитурецкие и антимусульманские настроения. Исламофобская кампания развернулась и на страницах центральной и местной русской прессы, а усиление антиисламских чувств отрицательно сказалось на восприятии мусульманского населения (с. 71). Тем не менее, ещё раз подчеркнули авторы, мусульмане империи не оправдали ожиданий германских стратегов, надеявшихся на волнения, вызванные призывами к джихаду (с. 73). Почему? Ответ на этот чрезвычайно важный вопрос находим на стр. 252, где Гилязов и Гатауллина сделали акцент на глубокой религиозности российских мусульман, принявших на Коране присягу о верной службе царю. Добавлю, что её нарушение означало большой грех, поэтому

среди мусульман, служивших в российской армии, почти не было дезертиров.

Однако ситуация резко изменилась после падения монархии в результате Февральской революции 1917 г. Авторы привели ценный документ, в котором объясняется, как отнеслись к ней мусульмане. Для татар и башкир это была победа справедливости, начало свободной жизни, конец всех религиозных и национальных ограничений, освобождение от клятвы, данной царю. Например, пленные мусульмане считали революцию, которая дала им надежду на достойное существование, единственным хорошим событием, случившимся в годы войны (с. 264).

Вторая глава книги посвящена истории появления в Германии особых пропагандистских лагерей для военнопленных мусульман с целью привлечения их на сторону германской и османской армий. Гилязов и Гатауллина подробно описали условия жизни и трудовую деятельность пленных, проанализировали их письма, записи и т.д. В третьей главе показано, как в подобном лагере проводили пропагандистскую работу. Как указали авторы, основным её направлением в первой половине войны было обоснование необходимости джихада, что для российских мусульман означало прежде всего вступление в турецкую армию (с. 165).

Немецкая антироссийская пропаганда в годы Первой мировой не замыкалась только кругом военнопленных. По предположению авторов, имели место попытки Германии оказать влияние на разные группы мусульман многих регионов России. Однако этот вопрос, как констатировали Гилязов и Гатауллина, пока ещё практически не изучен (с. 235). Что касается Османской империи, то её руководство уже в 1916 г. не видело в пропаганде джихада перспективы, и отказ от него, отмечено в книге, завёл немецкую исламскую политику в тупик. Германия лишилась роли союзника и покровителя мусульман, и её действия на Востоке потеряли идеологическую основу (с. 278–279).

Подводя итог, авторы задались вопросом: почему масштабная агитационная работа, проводившаяся в течение нескольких лет с немецкой педантичностью и упорством, не дала эффекта, несмотря на заверения по-

литиков и дипломатов, стоявших у истоков революционизации и «немецкого джихада»? Причинами несостоятельности идеи священной войны, по мнению Гилязова и Гатауллина, можно считать поспешность принятия германскими стратегами решения о революционизировании мусульманских народов, недостаток знаний об их менталитете и реальных устремлениях. Не прозвучало чёткого ответа на вопрос: что в результате немецкой победы получают мусульманские народы? И эта неясность, отмечено в заключение монографии, сыграла фатальную роль в неудаче немецкой пропаганды, с самого начала построенной на нереальных представлениях об идее священной войны (с. 289–291).

В отличие от большинства публикаций, посвящённых столь сложной и актуальной проблеме, данная книга имеет несомненные преимущества, хотя и не во всём, как уже отмечалось, безупречна. Так, в ней упомянут религиозный праздник, связанный с окончанием Рамазана (поста), в одном из лагерей для военнопленных 21 июля 1917 г. (с. 174). Дата указана по григорианскому календарю, принятому в Европе, а в России мусульмане начали отмечать этот праздник по юлианскому, т.е. 7 июля. Авторы не объяснили, старым или новым стилем они пользовались при изложении, что необходимо иметь в виду при использовании монографии в научной работе.

В целом в рецензированном издании осуществлена удачная попытка глубокого исследования на основе введения в научный оборот обширного комплекса ценных источников, обнаруженных авторами в архивах Германии. Они показали большую устойчивость психологии оказавшихся в немецком плену российских мусульман (башкир и татар) к идеологической и религиозной пропаганде, проводившейся в интересах противника во время Первой мировой войны. Монография И.А. Гилязова и Л.Р. Гатауллина вносит существенный вклад в российскую историографию, авторы убедительно показали патриотизм свыше миллиона башкирских и татарских солдат, воевавших за свою страну.

Примечание

¹ Ленин В.И. Тетради по империализму // ПСС. Т. 28. С. 709.